

Все читают Ярославову Правду; все читают заключенные мирные договоры Олега и последователей его с императорами греческими. История Александра Великого во многих местах говорит о скифах славянах, и даже их речи помещает Курций... было письмо, следовательно, было и просвещение, но свойство душ оставалось одно и то же" (Зритель, 1792, февраль, стр. 24—25). Февральская книжка „Зрителя“ имеет цензурное одобрение, подписанное „отправляющим должность санктпетербургского полициймейстера Андреем Жандром“ 25 февраля 1792 г.

Когда была приобретена гр. А. И. Мусиным-Пушкиным рукопись, содержащая „Слово о Полку Игореве“, точно не известно. В письме от 31 декабря 1813 г. К. Ф. Калайдовичу граф сообщал глухо, что „Слово“, вместе с другими рукописями, было куплено его комиссионером у архимандрита Иоиля в последние годы жизни последнего (Е. В. Барсов. Слово о Полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887, т. I, стр. 36). К сожалению, ни в одном известном мне источнике не сохранилась дата смерти архимандрита Иоиля. Так как Мусин-Пушкин указывал, что Иоиль проживал в это время уже не в монастыре, который был упразднен, а в архиерейском доме, то можно считать, что покупка состоялась не ранее 1788 г., года упразднения Спасо-Преображенского монастыря.¹

Л. А. Творогов обратил мое внимание на следующее сообщение Барсова (ук. соч., стр. 33): „Было мнение, основанное, впрочем, на предании, что исторические и филологические примечания (к изданию Мусина-Пушкина) писал известный тогдашний критик Болтин“. Хотя это „предание“ и не подтвердилось позднейшими исследованиями, однако, повидимому, какое-то отношение к „Слову“ Болтин, бывший в близкой связи с Мусиным-Пушкиным (см. Русский биографический словарь, Бетанкур-Бякстер. СПб., 1908, стр. 192), все же имел. А так как Болтин умер 6 октября 1792 г., то, следовательно, рукопись „Слова“ была доставлена Мусину-Пушкину на рубеже 1780—1790 г.; вероятно не позднее 1791 г. В таком случае цитированное выше упоминание в статье Плавильщикова „стихотворных поэм в честь Ярослава сына Владимира и детей его“ могло быть отголоском разговоров о незадолго до того приобретенной рукописи „Слова“, и все намеки на любителей отечественных древностей относятся к графу Мусину-Пушкину.

Если это так, то, очевидно, первым сообщившим о „Слове“, хотя и не прямо, был не Херасков, а Плавильщиков.

Отмечу попутно, что еще до опубликования „Слова“ (1800) сведения о нем и о боянах — певцах проникали в литературные круги и отразились даже в печати. Таково, например, стихотворное произведение восемнадцатилетнего В. Т. Нарезного „Песни Владимиру Киевских баянов“, помещенное в журнале „Приятное и полезное препровождение времени“, 1798, ч. XX, стр. 378—384. В этом стихотворении,² кроме упоминания „баянов“ в заглавии, нет никаких признаков более близкого знакомства автора со „Словом о полку Игореве“. Однако даже это небольшое представляет интерес: дело в том, что у Хераскова во „Владимире“ (1797) имя Баян употребляется как собственное, тогда как у Нарезного оно имеет значение нарицательного. При нашем современном знании материала трудно решить, зависел ли Нарезный от Хераскова, или перед нами факт, говорящий и о других источниках знакомства тогдашних русских писателей со „Словом“. Второе представляется мне более вероятным.

¹ Данилов, В. В. Архимандрит Иоиль (Котокрیتیю „Слова о полку Игореве“). Дела и дни, 1920, т. I, стр. 389—391.

² Подзаголовок гласит: „На прибытие его [Владимира] в столицу по совершении Херсонского похода, во время которого он крестился“.